

КАВАЛЕР *Красного замка*

Александр Дюма-отец — легендарный писатель-классик. Его приключенческие романы принесли ему всемирную славу. Произведения А. Дюма переведены на многие языки мира, неоднократно экранизированы и воплощены в театральных спектаклях.

1793 год. После казни короля Людовика XVI вся Европа ополчилась на Францию. В мрачном застенке еще бьется сердце несчастной королевы Марии-Антуанетты, чья участь, увы, почти предрешена. Тот, кого называют Кавалером Красного замка, готов спасти ее любой ценой... Тем временем молодой и пылкий революционер Морис Лендэ влюбляется в прекрасную Женевьеву. Их чувства взаимны и сильны, но молодая женщина замужем за уважаемым гражданином. Героев ожидают тяжелые испытания... В огне Французской революции кому-то суждено найти и потерять, кому-то обрести любовь, а кому-то — погибнуть.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4986-8

9 786171 249868

Александр Дюма
КАВАЛЕР
*Красного
замка*

КАВАЛЕР *Красного замка*

Александр Дюма

СЕМЕНОГО
И ДОСУГА

Александр Дюма

КАВАЛЕР
*Красного
замка*

УДК 821.133.1
Д96

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Ж. Дюпlessи-Берто «Штурм Тюильри 10 августа 1792 года» (1793)
и Л. Конье «Антуан Филипп де ла Тремуаль,
принц де Тальмон» (1826)

Перевод с французского *Иды Лаукарт*

Дизайнер обложки *Юлия Дзекунова*

- © Лаукарт И. Я., перевод, 2018
- © DepositPhotos.com / S-E-R-G-O, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ISBN 978-617-12-4986-8

I. Завербованные

Был вечер 10 марта 1793 года.

Пробило десять на башне собора Парижской Богоматери. И удары курантов, словно ночные птицы, один за другим отлетали из бронзового гнезда своего — грустно, монотонно.

Тихая, но холодная и туманная ночь набросила свой покров на Париж.

Сам Париж был не тот, что ныне, — ослепляющий по вечерам тысячами огней, которые отражаются в позолоченной ими слякоти; Париж озабоченных пешеходов, веселого шепота, вакхических предместий — рассадников дерзких смут, отважных преступлений. То был Париж стыдливый, робкий, чем-то озабоченный. Редкие прохожие боязливо перебежали из одной улицы в другую, торопливо скрывались в подъездах или подворотнях своих домов, словно дикие звери, бросавшиеся в свои норы, почуяв охотника.

Одним словом, это был, как мы уже отметили, Париж 10 марта 1793 года.

Скажем несколько слов о неожиданных обстоятельствах, так резко изменивших облик столицы. Затем начнем рассказ о происшествиях, положивших начало этой истории.

Франция после казни короля Людовика XVI восстановила против себя всю Европу. К трем врагам, с кем она прежде воевала — Пруссии, Австрии и Пьемонту, — присоединились Англия, Голландия и Испания. Лишь Швеция и Дания хранили свой обычный нейтралитет, наблюдая действия Екатерины II, уничтожавшей самостоятельность Польши*.

Положение было ужасное. Франция была обессилена и не представляла для них опасности. И в нравственном отношении ее перестали уважать после сентябрьской резни* 1792 года и казни короля 21 января 1793-го*. Буквально вся Европа осадила ее, словно какой-то захудалый город. Англия была у ее берегов, Испания у Пиренеев, Пьемонт и Австрия у Альпийских гор, а Голландия и Пруссия на севере Нидерландов. Только

в районе Верхнего Рейна и Шельды 250 тысяч воинов выступили против республики.

Французские генералы были всюду разбиты. Мачинский оставил Ахен и отступил к Льежу. Штейнгеля и Нейлли преследовали до Лимбурга. Миранда, осадивший было Маастрихт, ретировался к Тонгру, Валанс и Дампьер вынуждены были отступить, бросив обозы. Более 10 тысяч солдат дезертировали из армии и перешли к неприятелю. Конвент, надеясь лишь на генерала Дюмурье, готовившего вторжение в Голландию, отправлял к нему гонца за гонцом с приказанием оставить берега Бисбооса и принять командование над мозельской армией.

У Франции, словно у живого организма, было больное сердце, и этим сердцем был Париж. В нем больно отдавался каждый удар, наносимый в самых отдаленных пунктах. Он страдал от вторжения неприятелей и от внутренних смут, мятежей и измен. Любая победа сопровождалась пышным торжеством, всякая неудача — неистовым страхом. Поэтому нетрудно понять, какое волнение вызвали известия о поражениях, следовавших одно за другим.

Накануне, 9 марта, в Конвенте было бурное заседание. Всем офицерам отдали приказ немедленно отправиться к своим полкам, и неистовый Дантон, заставлявший свершать невозможное, Дантон, взойдя на кафедру, с жаром произнес:

— Не хватает солдат, говорите вы?! Дадим Парижу шанс спасти Францию, попросим у него тридцать тысяч человек, отправим их к Дюмурье, и тогда не только будет спасена Франция, но падет Бельгия, а Голландия и так наша!

Предложение было принято с восторженными криками. Началась запись добровольцев во всех городских секциях. Театры — не до развлечений в час опасности — были закрыты, а на городской ратуше вывесили черный флаг в знак бедствия.

К полуночи 35 тысяч имен были вписаны в реестры.

Но и в этот вечер случилось то же, что в сентябрьские дни: в каждой секции завербовавшиеся волонтеры требовали, чтобы изменники были наказаны до их отправки в армию.

Изменниками были тайные заговорщики, угрожавшие революции. Вес этого слова зависел от значения и влияния

партий, раздиравших в эту эпоху Францию. Изменниками были самые слабые. А так как самыми слабыми были жирондисты, то монтаньяры (депутаты Горы) решили, что жирондисты и являются изменниками.

На другой день, 10 марта, все депутаты-монтаньяры явились на заседание. Вооруженные якобинцы заполнили трибуны, изгнав оттуда женщин; когда явился мэр во главе совета общественного благоустройства, он подтвердил представление комиссаров Конвента относительно преданности граждан, но повторил желание, единодушно изъясленное накануне, — об учреждении Чрезвычайного трибунала для суда над изменниками.

Громкими возгласами Гора потребовала донесения от тут же собравшегося Комитета, и спустя минут десять Робер Лендэ объявил, что будет назначен трибунал в составе десяти членов, не подчиненных никаким правовым формам, которые будут собирать все сведения любыми путями. Этот трибунал, разделенный на два непрерывно действующих отделения, будет преследовать, по указанию Конвента, всех, кто покусится ввести в заблуждение народ.

Жирондисты поняли: это им приговор. Они восстали.

— Лучше умереть, — восклицали они, — чем согласиться на учреждение этой венецианской инквизиции!

В ответ монтаньяры громко требовали провести голосование.

— Да, — вскричал Феро, — да, соберем голоса, чтоб показать всему миру людей, которые именем закона хотят губить невинных!

Собрали голоса, и неожиданно большинство объявило: 1) что будут присяжные, 2) что они будут избираемы поровну от каждого департамента и 3) утверждены Конвентом.

Только приняли эти предложения, как раздались страшные крики. Конвент уже привык к посещениям черни. Он послал спросить, чего хотят от него; ему отвечали, что это депутация от волонтеров, которая, отобедав на хлебном рынке, просит разрешения пройти перед Конвентом церемониальным маршем.

В ту же минуту распахнулись двери и явились шестьсот человек, вооруженных саблями, пистолетами и пиками, — все полупьяные. Они прошли под рукоплескания, громогласно требуя смерти изменникам.

— Да, — отвечал им Колло д'Эрбуа, — да, друзья мои, невзирая на все козни, мы спасем вас, вас и свободу!

Он говорил, глядя в сторону жирондистов, давая им понять, что они в опасности.

В самом деле, по окончании заседания Конвента депутаты Горы рассеялись по разным клубам, побежали к кордельерам и к якобинцам, предлагая лишить изменников всех законных прав и умертвить в эту же ночь.

Жена Лувэ* жила на улице Сент-Оноре, поблизости от якобинцев. Услышав возгласы, она явилась в клуб, узнала о предложении и, вернувшись, поспешила предупредить своего мужа. Лувэ берет оружие, бросается из двери в дверь, чтобы предупредить своих друзей, не застает никого дома, но, узнав от прислуги одного из них, что они у Петьона, тотчас же отправляется туда и находит их спокойно обсуждающими какое-то предложение, которое намеревались сделать на другой день в надежде, что сумеют набрать им большинство голосов и проект пройдет. Он рассказывает им обо всем, что творится, о своих опасениях, о замыслах якобинцев и кордельеров и в заключение призывает принять какие-нибудь сильные меры.

Тогда Петьон встал, спокойный и хладнокровный, как всегда, подошел к окну, отворил его, взглянул на небо, высунул руку и, почувствовав, что ее смочило, проговорил:

— Дождь идет, нынешней ночью ничего не случится.

В это полуотворенное окно донеслись последние удары пробивших на башне 10 часов.

Итак, вот что случилось в Париже накануне и в этот самый день; вот что происходило вечером 10 марта, вот почему в этой влажной темноте, в этом грозном безмолвии дома, чье предназначение быть кровом для живых, подернулись каким-то мраком, оцепенели и походили на склепы.

В самом деле, многочисленные патрули национальной гвардии с ружьями наготове, толпы граждан, наскоро вооруженных чем попало, теснились чуть ли не у каждого ворот, у растворенных входов в аллеи, блуждали в ту ночь по городу. Чувство самосохранения вселяло каждому мысль, что замышлялось что-то необъяснимое и ужасное.

Мелкий и холодный дождь, тот, что успокоил Петьюна, усугубил дурное настроение патрулей, которые, завидев друг друга, брали ружья на изготовку, на всякий случай готовясь к бою, и, лишь настороженно, недоверчиво сблизившись, узнав друг друга, как бы нехотя обменивались паролем и отзывом, а потом, беспрестанно оглядываясь друг на друга, словно опасаясь нападения с тыла, расходились.

В этот вечер, когда Париж был под влиянием панического страха, возобновлявшегося так часто, что ему пора бы, кажется, свыкнуться с ним; в этот вечер, когда втихомолку шли переговоры об истреблении всех нерешительных революционеров, тех, кто подал голос за осуждение к смерти короля, но не решился осудить на смерть королеву, заключенную со своими детьми и свояченицей в темницу Тампля, — в этот вечер по улице Сент-Оноре крадась женщина в ситцевой лиловой с черными мушками мантилье. Голова ее была покрыта или, лучше сказать, закутана краем той же мантильи; всякий раз, когда вдали показывался патруль, она пряталась в каком-нибудь углублении ворот или за углом стены и стояла неподвижно, как истукан, затаив дыхание, пока солдаты проходили мимо, потом снова продолжала свой быстрый и тревожный бег, пока новая опасность не вынуждала ее опять прятаться и неподвижно, безмолвно выжидать.

Таким образом, благодаря своей осторожности, никем не замеченная, она пробежала часть улицы Сент-Оноре и вдруг, повернув на улицу Гренель, наткнулась не на патруль, а на компанию храбрых волонтеров, отобедавших на хлебном рынке, патриотизм которых был возбужден бесчисленными тостами, поднятыми в честь будущих побед.

Бедная женщина, вскрикнув, попыталась скрыться в улицу Дю-Кок.

— Эй, эй, гражданка! — вскрикнул начальник волонтеров. Чувствовать над собой власть стало врожденной привычкой. Поэтому даже эти свирепые люди избрали себе начальника.

— Эй, куда ты?

Женщина, не отвечая, продолжала бежать.

— Готовься! — закричал начальник. — Это переодетый мужчина! Какой-нибудь скрывающийся аристократ!

Стук двух или трех ружей, беспорядочно, неумело вскинутых дрожащими руками, дал понять женщине о готовности выполнить роковую команду.

— Нет, нет! — вскричала она, тут же остановилась и пошла назад. — Нет, гражданин, ты ошибаешься, я не мужчина.

— Ну, так слушайся команды, — сказал начальник, — и говори правду. Куда ты так летишь, ночная красавица?

— Никуда, гражданин, я иду домой.

— А, ты идешь домой?

— Да.

— Для порядочной женщины позднею возвращаешься, гражданка.

— Я иду от больной родственницы.

— Бедная кошечка, — сказал начальник, сделав такое движение рукой, что испуганная женщина отскочила. — А где ваш пропуск?

— Мой пропуск? Какой, гражданин? Что ты этим хочешь сказать и чего требуешь?

— Разве ты не читала постановление?

— Нет.

— Ну, так ты слышала, как его оглашали?

— Тоже нет! Что в этом постановлении, боже мой?

— Начать с того, что говорят не «боже мой», а «Высшее существо».

— Виновата, ошиблась. Это по старой привычке.

— Привычка аристократов.

— Постараюсь исправиться, гражданин. Но ты говорил?..

— Я говорил, что постановлением Коммуны запрещено после десяти часов вечера выходить без пропуска. При тебе ли он?

— Нет.

— Ты его забыла у своей родственницы?

— Я не знала, что надо иметь этот пропуск при себе.

— Ну, так пойдем до первого караула, там ты приветливо объяснишься с капитаном, и если он останется доволен тобой, то прикажет двум солдатам проводить тебя до твоего дома, а не то оставит при себе, пока наведут подробные справки. Ну, живо, налево кругом, шагом марш!

Судя по боязливому восклицанию арестованной, начальник добровольцев понял, что бедной женщине эта мера показалась ужасной.

— О-го-го! — сказал он. — Я уверен, что в наших руках какая-то знатная дичь! Ну, ну, вперед, моя красавица!

Начальник схватил арестованную под руку, невзирая на жалобные крики и слезы, и повлек к караулу дворца Эгалите.

Конвой уже находился недалеко от заставы Сержан, как вдруг молодой, высокого роста мужчина, закутанный в плащ, вышел на улицу Круа-де-Птишан в ту самую минуту, когда арестованная пыталась вымолить свободу. Но начальник волонтеров беспощадно тащил свою жертву, не вникая в ее слова. Женщина вскрикнула, и в этом крике отразились страх и страдание.

Молодой человек увидел эту борьбу, услышал вопль, мигом перешел с одной стороны улицы на другую и очутился перед небольшим отрядом.

— Что вы делаете с этой женщиной? — спросил он того, который казался начальником.

— Прежде чем допрашивать меня, займись-ка лучше своим делом. Это тебя не касается.

— Кто эта женщина, гражданин, и чего вы от нее хотите? — повторил молодой человек с повелительной интонацией.

— Да ты-то сам кто, чтоб нас допрашивать?

Молодой человек отвернул с плеча плащ и показал блестящие эполеты на военном мундире.

— Я офицер, — сказал он, — как видишь.

— Офицер... чего?

— Гражданской гвардии.

— Ну и что? Нам-то что до нее? — отвечал один из волонтеров. — Зачем нам знать офицеров гражданской гвардии?

— Что он мелет? — спросил другой, растягивая слова, как это делают простолюдины, когда начинают сердиться.

— Он говорит, — парировал молодой человек, — что если эполеты не заставят уважать офицера, то сабля заставит уважать эполеты.

И неизвестный защитник молодой женщины, отступив на шаг и высвободив из-под складок плаща широкую и надежную пехотную саблю, блеснул ею при свете фонаря, потом быстрым движением, показавшим привычку обращаться с оружием, схватил начальника волонтеров за ворот карманьолки и, приставив острие сабли к его горлу, сказал:

— Теперь поговорим, как два добрых приятеля.

— Да, гражданин, — сказал начальник волонтеров, пытаясь освободиться.

— Предупреждаю, что при малейшем движении твоим или твоих людей я насквозь проткну тебя этой саблей.

Между тем двое волонтеров продолжали держать женщину.

— Ты спрашиваешь, кто я? — продолжал молодой человек. — На это ты не имел права, потому что не командуешь патрулем гарнизона. Но это к слову. Скажу тебе, кто я. Меня зовут Морис Лендэ; я командовал батареей канониров при деле 10 августа*, имею чин поручика национальной гвардии и занимаю пост секретаря в секции Братьев и Друзей. Довольно тебе этого?

— Эх, гражданин поручик, — отвечал начальник, чувствуя на горле острие сабли, — это дело другое. Если ты в самом деле тот, за кого себя выдаешь, значит, ты настоящий патриот.

— Я знал, что мы мигом пойдем друг друга, — сказал офицер. — Теперь отвечай, о чем кричала эта женщина и что вы с ней делали?

— Мы вели ее на гауптвахту.

— А зачем вели на гауптвахту?

— Затем, что у нее нет пропуска, а по последнему приказу Комитета приказано задержать всякого, кто после десяти часов вечера попадет на улице, не имея при себе законного документа. Разве ты забыл, что отечество в опасности и что на ратуше вывешен черный флаг?

— Черный флаг развеивается на башне и отечество в опасности потому, что двести тысяч солдат готовы вторгнуться во Францию, — возразил офицер, — а не потому, что женщина бежит по улицам Парижа после десяти часов вечера. Но постановление действительно существует, и если б вы сперва сказали мне об этом, то встреча наша была бы короткой и мирной. Хорошо быть патриотом, но не мешает быть и вежливым. Граждане должны уважать офицеров, которых они сами избирали. Теперь ведите эту женщину, если хотите, вы свободны.

— Ах, гражданин! — схватив руку Мориса, вскричала женщина, все время с беспокойством следившая за распрей. — Ах, гражданин, не оставляйте меня во власти этих грубых и полупьяных людей.

— Хорошо, — сказал Морис, — вот вам моя рука, я провожу вас до караула.

— До караула? — с ужасом повторила женщина. — За что же вести меня туда, если я никому не причинила зла?

— Вас ведут в караул, — сказал Морис, — не потому, что вы причинили зло, не потому, что считали вас способной сделать его, но потому, что постановление Комитета запрещает выходить без пропуска, а у вас его нет.

— Но я этого не знала, сударь.

— Гражданка, в карауле добрые люди, которые будут с вами вежливы, с вниманием выслушают ваши оправдания. Вам нечего их бояться.

— Я уже не боюсь оскорблений, сударь, — сказала молодая женщина, сжимая руку офицера, — я страшусь смерти; если меня отведут в караул, я погибла.

II. Незнакомка

Эти слова были произнесены с таким отчаянием и силой, что Морис невольно вздрогнул. Проникновенные звуки этого голоса с силой электрического разряда отдались в глубине его сердца.

Он обернулся к волонтерам, которые совещались между собой. Стыдясь того, что один человек мог нагнать на них

столько страху, они рассуждали, как бы выбраться из этого положения. Их было восемь против одного. Трое имели ружья, остальные пики и пистолеты. У Мориса была лишь сабля. Бой был бы неравным.

Даже женщина поняла это; опустив голову на грудь, она тяжело вздохнула.

Что касается Мориса, он, насупив брови и презрительно сжав губы, стоял с обнаженной саблей в двойственном положении человека, которому чувства повелевают защитить женщину, а обязанности гражданина приказывают ее выдать.

Вдруг в конце улицы, как молния, блеснули штыки и слышались мерные шаги патруля, который, увидев скопище, остановился в десяти шагах, и голос капрала прокричал:

— Кто идет?

— Друг! — вскричал Морис. — Иди сюда, Лорен!

Тот, к кому обращался этот отзыв, быстро приблизился.

— А, это Морис! — произнес капрал. — Что ты, повеса, делаешь в эти часы на улице?

— Ты видишь, я только что вышел от Братьев и Друзей.

— Да, чтоб перейти в отделение сестер и приятельниц. Понимаю.

В час туманной ночи,
Только что луна
Взглянет тебе в очи,
Будь ты у окна.
Друг придет твой нежный
Скромною стопой.
Ручкой белоснежной
Дверь ему открой.

Вроде того, и так далее, не так ли?

— Нет, дружище, ты ошибаешься. Я шел прямо домой, как вдруг увидел, что гражданка вырывается из рук этих граждан волонтеров; я побежал узнать, что она сделала и за что ее ведут под стражей.

— Ну, так узнаю тебя в этом деле, — сказал Лорен. — «Французских рыцарей вот истинная доблесть!»

Потом обратился к волонтерам.

— А за что вы арестовали эту женщину? — спросил поэтический капрал.

— Мы уже объяснили поручику, — отвечал начальник отряда, — за то, что у нее нет пропуска.

— Ну! — подхватил Лорен. — Вот так важное преступление!

— Стало быть, ты не знаешь постановления, гражданин? — спросил начальник волонтеров.

— Знаю, знаю!.. Да есть и другое, которое уничтожает первое.

— А какое?

— Вот это:

Бог любви всем объявляет,
Что какой бы ни был час,
Он прекрасным позволяет
Обольщать без спросу нас!

— Ну, что ты скажешь об этом постановлении, гражданин? И правильно и убедительно.

— Так, но оно еще не принято. Во-первых, не помещено в «Мониторе»; к тому же мы не на Пинде и не на Парнасе. Наконец, гражданка может быть немолода и нехороша.

— Бьюсь об заклад, что все это у нее есть! — сказал Лорен. — Гражданка, докажи, что я прав, скинь свое покрывало и предоставь судить всякому, подходишь ли ты под это постановление.

— Ах, сударь, — промолвила молодая женщина, прижимаясь к Морису, — вы защитили меня от ваших неприятелей, теперь защитите от ваших друзей.

— Смотрите, пожалуйста, — сказал начальник волонтеров. — Она же прячется! Мне кажется, что она или сума переносная, или искательница ночных приключений.

— О сударь, — отвечала молодая женщина, показав при свете фонаря лицо обворожительной красоты и свежести. — Взгляните на меня, похожа ли я хоть на одну из тех, которых здесь назвали?

Морис был ослеплен. Еще никогда, даже во сне, не видел он подобной красоты. Незнакомка так же быстро опустила мантлью, как и подняла ее.

— Лорен, — прошептал Морис, — требуй выдачи арестантки, чтоб препроводить ее к твоему посту, ты на это имеешь полное право как начальник патруля.

— Понимаю, — промолвил молодой капрал, — мне достаточно намекнуть.

Затем обратился к знакомке:

— Идемте, идемте, красавица, так как вы не хотите доказать нам, что подходите под это постановление, делать нечего, ступайте за нами.

— Как «ступайте за нами»? — подхватил начальник волонтеров.

— Да так, мы отвеем гражданку к городскому замку, где наше караульное помещение, а там соберут о ней справки.

— Нет, — ответил начальник отряда, — она наша и должна быть под нашим присмотром.

— Эх, гражданин, гражданин, — сказал Лорен, — ведь мы того и гляди поссоримся.

— Сердитесь или не сердитесь, черт вас возьми, нам все равно. Мы истинные солдаты республики, и пока вы ходите дозором по улицам, мы идем проливать кровь за границей.

— Берегитесь, чтобы не пролить ее на пути, граждане, а это может случиться, если вы не решитесь быть вежливее.

— Вежливость есть добродетель аристократов, а мы санкюлоты, — отвечали волонтеры.

— Хватит, — сказал Лорен. — При дамах о таких вещах не говорят. Она, может быть, англичанка. Не сердись за мое предположение, моя ночная пташечка, — прибавил он, приветливо обратясь к знакомке, — так сказал один:

Из поэтов из известных,
А я вторю без труда,
Англия страна прелестна
Средь огромного пруда.

— А ты сам себе изменяешь, — сказал начальник волонтеров. — Ага, ты сам же сознаешься, что принадлежишь к числу сторонников Питта, агентов Англии.

— Тише, — сказал Лорен, — тебе чужд язык поэзии, и я вынужден говорить с тобой прозой. Слушай, мы, национальная гвардия, скромны, терпеливы, но все дети Парижа. Если кто затронет нас, с лихвой отплатим.

— Сударыня, — сказал Морис, — вы видите, что происходит, и догадываетесь, что будет дальше. Минут через пять десять или двенадцать человек перережут за вас. Стоит ли дело, за которое берутся ваши защитники, того, чтобы пролилась кровь?

— О милостивый государь, — отвечала незнакомка, всплеснув руками, — одно только могу сказать вам: если вы допустите, что меня арестуют, это погубит не только меня, но и многих других, и если вы намерены меня покинуть, то умоляю вас оружием, что в руках ваших, оборвите мою жизнь и бросьте в Сену мой труп.

— В таком случае, — отвечал Морис, — я все беру на себя.

И, выпустив руку прекрасной незнакомки, сказал:

— Граждане, как офицер ваш, как патриот, как француз, приказываю вам защитить эту женщину. А ты, Лорен, если эта каналья снова разинет рот, прими его в штыки.

— Товсь!¹ — скомандовал Лорен.

— Боже мой, боже мой! — вскрикнула незнакомка, закрывая лицо мантильей и прислоняясь к столбу. — Боже мой! Сохрани его.

Волонтеры попытались обороняться; один даже выстрелил из пистолета и пробил шляпу Мориса.

— На руку! — скомандовал Лорен.

Трах, трах, трах, тара-рах, тах, тах!

В крошечной темноте началась борьба, более напоминавшая страшную толчею. Раздались даже два залпа из огнестрельного оружия, по улице понеслись проклятия, крики, ругательства. Но никто из жителей не являлся на этот шум,

¹ Уменьшительное командное слово «изготовься».

ибо, как мы уже сказали, по городу носились слухи о возможной резне, и горожане, видимо, решили — началось... Два или три окна приоткрылись и тут же заперлись.

Добровольцев было меньше, и вооружены они были хуже. Они не выдержали боя; двое были тяжело ранены, а остальные приперты штыками к стене.

— Вот так-то, — сказал Лорен, — надеюсь, что вы теперь будете кроткими, как ягнята. Что касается тебя, гражданин Морис, поручаю тебе отвести эту женщину на гауптвахту городского замка. Ты понимаешь, что на тебе теперь вся ответственность.

— Да, — отвечал Морис.

Потом шепотом добавил:

— А пароль?

— Ай, чертовщина, — сказал Лорен, почесывая себе ухо, — пароль... видишь ли...

— Может, ты боишься, что я употреблю его во зло?

— Э, черт возьми, делай с ним что хочешь!

— Стало быть, назовешь? — подхватил Морис.

— Сию минуту передам его тебе, только дай разделаться с этими штукарями. Но прежде чем расстаться, я очень рад буду дать тебе добрый совет.

— Ладно, я подожду.

Лорен отправился к своим национальным гвардейцам, которые все еще держали волонтеров в почтительных позах.

— Ну, теперь довольно ли с вас? — спросил он.

— Да, жирондистская собака! — отвечал начальник.

— Ошибаешься, мой милый, — спокойно возразил Лорен, — мы тоже санкюлоты, да еще почище тебя, ибо принадлежим к клубу Фермопилов, у которого никто не оспорит любовь к отечеству. Не беспокойтесь, — продолжал он. — В нас уже не сомневаются.

— А как ни говорите, если это подозрительная женщина...

— Если бы она была такой, то давно бы во время суматохи навострила лыжи, вместо того чтобы тут дожидаться, как ты видишь, развязки.

— Да, — сказал один из добровольцев, — похоже на правду то, что сказал гражданин Фермопил.

— А, впрочем, мы это разузнаем. Приятель мой отведет ее в караул, а мы пока пойдем выпьем за здоровье нации.

— Пойдем выпьем, — повторил начальник.

— Конечно, у меня ужасная жажда, и я знаю один знатный питейный дом на углу улицы Тома-дю-Лувр.

— Вон ты какой! Давно бы тебе это сказать, гражданин. Мы сожалеем, что усомнились в твоём патриотизме, и в доказательство во имя нации и закона обнимемся.

— Обнимемся, — сказал Лорен.

И волонтеры иступленно стали целоваться с национальной стражей. В то время обнимали и убивали друг друга одинаково легко.

— Идемте, друзья, — гаркнули оба отряда, — на угол улицы Тома-дю-Лувр!

— А с нами что будет? — жалобно возопили раненые. — Неужели нас оставите?

— Как это можно, — сказал Лорен, — покинуть храбрых, которые пали за отечество, как истинные патриоты, сражаясь с себе подобными, правда, по ошибке! Конечно, сию же минуту вам пришлем носилки, а пока пойте «Марсельезу», это вас развлечет.

Вперед, вперед, дети отчизны!

Нашей славы день настал!

Потом подошел к Морису, который стоял подле незнакомки в конце улицы, между тем как национальные гвардейцы и волонтеры, сплетя руки, тянулись по площади дворца Эгалите.

— Морис, — сказал Лорен, — я обещал дать тебе совет. Вот он. Пойдем-ка лучше с нами, чем подвергаться пересудам, защищая эту гражданку, которая, правду сказать, прекрасна, на мой взгляд, но тем более заслуживает подозрения, ибо женщины, которые за полночь шатаются по улицам Парижа, все они ведь прекрасны.

— Милостивый государь, — сказала женщина, — не судите обо мне по внешности, умоляю вас.

— Во-первых, вы говорите «милостивый государь». Это большая ошибка. Слышишь ли, гражданка? Тьфу, пропасть, да и сам я, вместо того чтобы сказать «ты», сказал «вы».

— Ну да, да, гражданин, дай уж твоему приятелю довершить доброе дело.

— Каким образом?

— Проводить меня домой.

— Морис, Морис, — сказал Лорен, — подумай, что ты делаешь. О тебе пойдут страшные сплетни.

— Я это знаю, — отвечал молодой человек, — но как я могу оставить эту бедную женщину? В любой момент дозорные снова остановят ее.

— О да, точно, с вами же, сударь, с тобою же, гражданин, хотела я сказать, я спасена.

— Ты слышишь, спасена! — сказал Лорен. — Стало быть, она подвергается большим опасностям.

— Послушай, любезный Лорен, — сказал Морис, — будем справедливы. Она или истинная патриотка, или аристократка. Если она аристократка, то нам не следовало ей покровительствовать; если же патриотка, обязанность наша охранять ее.

— Извини, извини, любезный друг, но твоя логика бессмысленна. Ты как тот, который сказал:

Ириса унесла мой разум
И просит мудрости моей.

— Поймай, Лорен, — сказал Морис, — оставь в стороне логику, поговорим серьезно. Дашь ты мне пароль или нет?

— Но ты ставишь меня перед выбором: жертвовать долгом ради друга или пожертвовать другом во имя долга?

— Решайся, мой друг, на то или другое, но ради бога, скорей.

— Точно ли ты не используешь пароль во зло?

— Уверяю тебя.

— Этого мало... поклянись!

— Да перед чем?

— Перед Жертвенником Отчизны!

Лорен, сняв шляпу, подал ее Морису кокардой вперед, и Морис, хотя и понимал, что это очень простодушно, все же без улыбки произнес клятву на импровизированном жертвеннике.

— Теперь, — сказал Лорен, — вот пароль — «Галлия и Лютеция!». Может быть, многие скажут тебе, как и мне: «Галлия и Лукреция»; ничего, пропускай без задержки: и та и другая римлянки.

— Гражданка, — сказал Морис, — теперь я к вашим услугам. Спасибо, Лорен.

— В добрый путь, — сказал Лорен, надевая на голову Жертвенник Отчизны; и, верный своему анакреонтическому вкусу, удалился, напевая.

III. Улица Фоссе-сен-Виктор

Морис, оставшись с молодой женщиной наедине, был в большом затруднении. Боязнь оказаться обманутым, обворожительность этой дивной красоты, какое-то безотчетное угрызение совести восторженного республиканца удерживали его от того, чтобы тотчас подать руку молодой женщине.

— Куда вы идете, гражданка? — спросил он.

— Ах, очень далеко, сударь, — отвечала она.

— Однако как?..

— К Ботаническому саду.

— Хорошо, идемте.

— Боже мой, сударь, — сказала незнакомка, — я вижу, что обременяю вас, но если бы не случившееся со мной несчастье и если бы я просто боялась, то никогда бы не воспользовалась вашим великодушием.

— Что об этом говорить, сударыня, — сказал Морис, забыв в беседе своей с глазу на глаз предписанный республикой язык и обратившись к ней как благовоспитанный человек. — Скажите по совести, как это случилось вам так запоздать? Посмотрите, есть ли, кроме нас, хоть одна живая душа?

— Я сказала вам, сударь, что была у знакомых в предместье Руль. Отправившись в полдень, в неведении о том, что происходит, я возвращалась, также ничего не зная, потому что все время провела в одном уединенном доме.

— Да, — проговорил Морис, — в каком-нибудь приюте преждебывших, в вертепе аристократов. Признайтесь, гражданка, что, умоляя меня о покровительстве, вы внутренне смеетесь над моей простотой.

— Я! — воскликнула она. — Как это возможно?

— Разумеется. Вы видите республиканца, служащего вам проводником. Этот республиканец изменяет своему долгу, вот и все.

— Но, гражданин, — живо подхватила незнакомка, — вы заблуждаетесь, я так же, как и вы, предана республике.

— В таком случае, если вы истинная патриотка, гражданка, то вам нечего скрывать. Откуда вы шли?

— О сударь, будьте милосердны! — сказала незнакомка.

В этом слове «сударь» отразилась такая нежная, глубокая скромность, что Морис по-своему понял ее чувства.

«Нет сомнения, — подумал он, — что эта женщина возвращается с любовного свидания».

И сам не понимая почему, ощутил сильное стеснение в груди.

С этой минуты он шел молча.

Ночные путники добрались до улицы Веррери, встретив по дороге три или четыре патруля, которые, впрочем, благодаря паролю дали им свободно пройти. Но офицер последнего дозора выказал некоторое упорство.

Тогда Морис счел нужным кроме пароля сообщить свое имя и домашний адрес.

— Так, — сказал офицер, — это относится к тебе, а гражданка?

— Гражданка?

— Кто она такая?

— Она... сестра моей жены.

Офицер пропустил их.

— Стало быть, вы женаты, сударь? — проговорила незнакомка.

— Нет, сударыня, а что?

— В таком случае, — сказала она, смеясь, — вам проще было бы сказать, что я ваша жена.

— Сударыня, — сказал в свою очередь Морис, — звание жены священно, это звание не должно употреблять без разбора: я не имею чести вас знать.

Тут и незнакомка почувствовала, что сердце ее сжалось. Теперь замолкла она.

Тем временем они перешли Мариинский мост. Молодая женщина ускорила шаги по мере приближения к своему жилищу.

Прошли и Турнельский мост.

— Вот мы, кажется, и в вашем квартале, — сказал Морис, ступив на набережную Сен-Бернар.

— Да, гражданин, — сказала незнакомка, — и здесь больше всего нужна ваша помощь.

— Странно, сударыня, вы мне приказываете быть скромным, а между тем все делаете, чтобы возбудить мое любопытство. Это невеликодушно. Удостоите меня хоть малейшего доверия. Я, кажется, заслужил его. Не окажете ли вы мне честь сказать, с кем я говорю?

— Вы говорите, сударь, — подхватила незнакомка, улыбаясь, — с женщиной, избавленной вами от величайшей опасности, которой она когда-либо подвергалась, с женщиной, которая на всю жизнь останется вам признательной.

— Это слишком много, сударыня. Я не заслуживаю столь продолжительной благодарности; довольно бы одного мгновения, за которое вы произнесли бы ваше имя.

— Невозможно.

— Но вы бы назвали его первому офицеру, которому вас сдали бы под стражу.

— Никогда! — вскрикнула незнакомка.

— Тогда вас отправили бы в тюрьму.

— Я готова на все.

— Но тюрьма в нынешние времена...

— Эшафот, я это знаю.

— И вы предпочли бы эшафот?

— Измене... Сказать свое имя — значит изменить!

— Не говорил ли я вам, что вы меня... республиканца, составляете разыгрывать странную роль.

— Вы играете роль великодушного человека. Вы подаете руку помощи обиженной женщине, не презирая ее, хотя она простого звания. А так как она снова могла подвергнуться оскорблению, вы провожаете ее домой в одну из самых запустелых частей города и тем спасаете от гибели. Вот и все.

— Да, вы были бы правы и я мог бы вам поверить, если бы не видел вас, не говорил бы с вами. Но ваша красота, ваша речь выдают знатную женщину; эта знатность, несовместимая с вашим одеянием, с этим нищенским кварталом, даже само ваше путешествие в эти часы заставляют меня подозревать тайну... Вы молчите... Не станем более говорить об этом. Далеко ли нам до вашего дома, сударыня?

В это время они вступали с улицы Сены на улицу Фоссен-Виктор.

— Видите ли это небольшое черное строение? — сказала незнакомка, указывая рукой на один из домов за забором Ботанического сада. — Там вы меня оставите.

— Слушаю, сударыня, приказывайте, я здесь для того, чтобы вам повиноваться.

— Вы сердитесь?

— Нисколько. Впрочем, что вам до того?

— Для меня это очень важно, у меня к вам еще одна просьба.

— Какая?

— Я желаю проститься с вами со всей искренностью и добросердечием... проститься как с другом.

— Проститься как с другом — много чести для меня, сударыня. Странен тот друг, который не знает имени своего друга и от которого этот друг скрывает, где он живет, конечно, чтобы избежать скуки новой встречи.

Молодая женщина опустила голову и ни слова не ответила.

— Впрочем, сударыня, — продолжал Морис, — если я коснулся какой-то тайны, не сетуйте на меня, я ее не искал.

— Вот мы и пришли, сударь, — сказала незнакомка.

Они находились против старой улицы Сен-Жак, окаймленной высокими черными домами, в глубину уходили темные аллеи и переулки, занятые кожевниками и их мастерскими. Здесь рядом протекает небольшая речка Бевре.

— Здесь? — спросил Морис. — Как, вы здесь живете?

— Да.

— Не может быть!

— Однако это так. Прощайте! Прощайте, мой храбрый кавалер. Прощайте, мой великодушный защитник!

— По крайней мере, скажите ради моего спокойствия, что вам уже более не угрожает опасность!

— Нет, не угрожает.

— Тогда я удаляюсь.

И, отступив на два шага, Морис холодно поклонился.

Незнакомка не трогалась с места.

— Однако я не желаю так расстаться с вами, — сказала она. — Гражданин Морис, вашу руку.

Морис протянул ее и тотчас почувствовал, что молодая женщина надевает перстень на его палец.

— О-го-го, гражданка, что вы делаете? Вы не замечаете, что теряете один из своих перстней.

— О сударь, — сказала она, — это дурно с вашей стороны.

— Мне как раз еще не хватало порока — быть неблагодарным, сударыня?

— Послушайте, умоляю вас, сударь... друг мой. Не расставайтесь со мной так холодно. Скажите, что вы хотите, что вам надо?

— Какой платы, не так ли? — скрепя сердце произнес молодой человек.

— Нет, — сказала незнакомка с очаровательным выражением, — нет, чтобы вы простили тайну, которую я вынуждена сохранить.

Морис, видя в темноте отблеск ее прекрасных глаз, увлажненных слезами, чувствуя в своей руке ее трепещущую, горячую ладонь, слыша звуки почти молитвенно звучащего голоса, вдруг сменил гнев на чувство восторга.

— Что мне нужно? — вскричал он. — Мне нужно еще и еще видеть вас.

— Это невозможно.

— Хоть однажды, на час, на минуту, на секунду!

— Невозможно, повторяю вам.

— Как? — спросил Морис. — Вы серьезно говорите, что я никогда вас не увижу?

— Никогда! — раздался голос незнакомки, как скорбное эхо.

— О сударыня, — сказал Морис, — вы смеетесь надо мной.

Тут он приподнял голову, потряхнув своими длинными волосами, подобно человеку, сбрасывающему с себя чары, которым невольно покорился.

Незнакомка смотрела на него с неизъяснимым выражением. Заметно было, что и она не чужда была того чувства, которое сама внушала.

— Послушайте, — сказала она после непродолжительного молчания, прерванного лишь невольным вздохом, который тщетно старалась заглушить, — послушайте, Морис, поклянетесь ли вы своей честью, что закроете глаза и не откроете, пока не сосчитаете шестьдесят секунд... Даете слово чести?

— А если я поклянусь, что случится со мной?

— Случится то, что я докажу вам свою признательность так, как никому еще не доказывала, хотя отплатить вам чем-то большим, что вы для меня сделали, очень трудно.

— Однако нельзя ли знать?..

— Нет. Доверьтесь мне, и вы узнаете.

— Признаю вам, сударыня, я не знаю, ангел вы или демон!

— Клянетесь ли вы?

— Извольте... клянусь.

— Что бы ни случилось с вами, вы не откроете глаз, что бы ни случилось, понимаете ли вы? Если б даже почувствовали удар кинжала.

— Вы изумляете меня вашим требованием, клянусь вам.

— Да клянитесь же, сударь, вы, кажется, ничему тут не подвергаетесь.

— Хорошо, клянусь, что бы ни случилось со мной... — сказал Морис, закрывая глаза.

Он остановился.

— Дайте мне еще, еще раз взглянуть на вас, — сказал он. — Умоляю вас!

Молодая женщина не без кокетства подняла мантилью, и при свете луны, скользившей в это время между облаками,

он увидел во второй раз ее длинные, завитые кольцами волосы, черные как смоль брови и ресницы, будто нарисованные китайской тушью, два темных, как бархат, глаза, изящный носик и уста, свежие и блестящие, как коралл.

— О, как вы хороши, как вы прекрасны, бесподобны! — вскричал Морис.

— Закройте глаза, — сказала незнакомка.

Морис повиновался.

Молодая женщина схватила его за руки и повернула. Он вдруг ощутил благовонную теплоту, которая, казалось, все ближе и ближе двигалась к его лицу, и нежные уста, слившись с его устами, оставили между губ его тот перстень, от которого он отказался.

Это чувство было быстрым, как мысль, жгучим, как пламя. Морис ощутил что-то похожее на боль, так оно было неожиданно, непонятно, так сильно отдалось в глубине сердца, так потрясло самые глубокие тайники его души.

Он сделал внезапное движение и протянул руки.

— А ваша клятва? — произнес уже удалившийся голос.

Морис через силу прикрыл глаза пальцами, чтобы победить искушение нарушить клятву. Он не считал секунды, он ни о чем не думал и стоял молча, неподвижно.

Минуту спустя он услышал как бы скрип затворяемой двери в пятидесяти или шестидесяти шагах от него, и снова все погрузилось в тишину.

Тут он отнял руку, открыл глаза, оглянулся вокруг, как человек, пробудившийся ото сна, а может быть, и подумал бы, не сон ли в самом деле все, что случилось, если бы губы его не сжимали перстень, доказывавший, что все необыкновенное действительно случилось с ним.

IV. Нравы времени

Когда Морис Лендэ очнулся и взглянул вокруг, он увидел лишь глухие и темные переулки, которые тянулись вправо и влево от него. Он пытался как-то сориентироваться в этой глуши,

но его рассудок был в смятении; ночь была темна, луна, выглянувшая на мгновение, чтобы осветить прелестное лицо незнакомки, снова скрылась за облака. Молодой человек, после ужасной минуты недоумения, побрел к своему дому, находившемуся на улице Руль.

Достигнув улицы Сент-Авуа, Морис удивился множеству патрулей, разъезжавших в квартале Тампля.

— Что тут случилось, сержант? — спросил он начальника одного из патрулей, очень занятого и только что сделавшего осмотр на улице Фонтен.

— Что случилось? — повторил сержант. — А вот что, господин офицер. Нынешней ночью хотели похитить жену Капета и все ее семейство.

— Кто же?

— Патруль из аристократов, как-то узнавший пароль, пробрался в Тампль в мундирах национальной гвардии и намеревался их увести. К счастью, тот, кто исполнял роль капрала, назвал караульного офицера «сударь»; аристократ сам себя выдал!

— Черт возьми! — сказал Морис. — А задержали злоумышленников?

— Нет, патруль сумел выбраться на улицу, а там и след его простыл.

— А есть ли надежда поймать всех этих молодцов?

— О, достаточно было бы схватить их главаря, высокого, сухощавого... который втерся между гвардейцами муниципальной стражи. Уж заставил же он нас побегать за собой, разбойник! Вероятно, он пробрался через задние двери и бежал переулком Маделонет.

В других обстоятельствах Морис на всю ночь остался бы с патриотами, оберегавшими благоденствие республики. Но уже с час любовь к отечеству перестала быть его единственной мыслью. Итак, он продолжал свой путь. Новость мало-помалу рассеивалась в его мыслях, все больше заслонялись события, случившиеся с ним. К тому же эти мнимые попытки похищения стали так часты, что сами патриоты поняли — кое-кто начал их использовать как политическое средство. Так что новость несколько не потревожила молодого республиканца.

Вернувшись домой, Морис застал своего служащего — в эту эпоху не было слуг — спящим; ожидая его, тот во сне громко храпел.

Он разбудил его со всей внимательностью, которую должно иметь к себе подобному, велел снять с себя сапоги и отпустил спать, чтоб служащий не отвлек его мысли. Лег в постель и, так как было уже поздно, то, в свою очередь, несмотря на тревожные мысли, заснул спокойно — сном молодости.

Утром он увидел письмо на ночном столике.

Оно было написано мелким, красивым и незнакомым ему почерком. Он взглянул на печать, на ней было вырезано лишь одно английское слово, служившее девизом: «Nothing» — «Ничего».

Он распечатал письмо; в нем были эти слова:

«Благодарю!

Вечная признательность взамен вечного забвения».

Морис позвал слугу. Истинные патриоты не заставляли их являться по звонку — звонок напоминал рабство; к тому же многие из служащих, вступая в должность, оговаривали это условие.

Служащий Мориса за тридцать лет до того получил при святом крещении имя Жан, но в 92 году взял и раскрестился; имя Жан папахивало аристократизмом и деизмом; он назвал себя Сцеволой.

— Сцевола, — спросил Морис, — не знаешь ли ты, что это за письмо?

— Нет, гражданин.

— Кто тебе его передал?

— Привратник.

— А ему кто принес?

— Конечно, посыльный; на нем нет штемпеля.

— Спустись к привратнику и попроси его сюда.

Привратник поднялся по лестнице лишь потому, что его позвал Морис, которого любили все служащие, с которыми он общался, но заявил, однако, что если б позвал его любой из жильцов, то он попросил бы того самого спуститься к нему.

Привратника звали Аристид.

Морис расспросил его. Выяснил, что письмо было принесено около 8 часов утра человеком, ему неизвестным. Напрасно молодой человек задавал все новые вопросы, пытаясь хоть что-то еще выудить из привратника, тот ничего больше не смог добавить. Морис попросил его принять десять франков и в случае, если неизвестный опять явится, незаметно проследить за ним, вызнать, где тот живет, а потом прийти и рассказать об этом.

Поспешим добавить, что, к величайшему удовольствию Аристида, несколько оскорбленного предложением следить за себе подобным, незнакомец больше не возвращался.

Морис, оставшись один, с досадой смял письмо, снял с пальца перстень, положил его возле измятого письма на стол, повернулся к стене с безумной надеждою снова заснуть, но не прошло часа, как он очнулся от своего притворства, стал целовать перстень и перечитывать письмо. Перстень был с дорогим сапфиром. А письмо было, как мы уже сказали, небольшой записочкой, на расстоянии благоухавшей аристократией.

Пока Морис предавался созерцанию, отворилась дверь. Молодой человек поспешно надел перстень, а записочку сунул под подушку. Была ли это скромность возрастающей любви или стыдливость патриота, который не хочет, чтоб знали о его общении с людьми, довольно неосторожно позволившими себе написать подобную записку, одно лишь благоухание которой могло выдать и руку писавшего, и адресата.

В комнату вошел молодой человек в одежде патриота, но патриота, изысканного в своем наряде. На нем была тонкого сукна карманьолка, казимировая сорочка и узорчатые шелковые чулки. Что же касается его фригийской шапочки, она устыдила бы самого Париса своей изящной формой и ярким багровым цветом.

Сверх того за поясом его торчала пара пистолетов бывшей королевской версальской фабрики и прямая коротенькая сабля, как у воспитанников военного училища.

— А, ты спишь, Брут, — сказал вошедший, — а отечество в опасности. Не стыдно ли?!

— Нет, Лорен, — со смехом отвечал Морис, — я не сплю, а мечтаю.

— Да, понимаю.

— А я так ровно ничего.

— Как же! А прекрасная Евхариса?

— О ком ты говоришь?

— Ну, та женщина!

— Какая?

— Женщина с улицы Сент-Оноре, наткнувшаяся на патруль, одним словом, та неизвестная, за которую мы вчера вечером чуть не расплатились головами.

— Ах да, — сказал Морис, который очень хорошо понимал, о чем хотел поговорить его друг, но прикидывался непонимающим, — та незнакомка!

— Ну кто же она?

— Не знаю.

— Хороша собой?

— Ну!.. — сказал Морис, презрительно сморщив губы.

— Какая-нибудь бедняжка, забывшаяся в любовном свидании.

...Какие слабые созданья!..

Везде, всегда любовь — вот в чем наши мечтанья.

— Может быть, — проговорил Морис, которому эта мысль показалась сейчас до того отвратительной, что он лучше желал бы видеть незнакомку бунтовщицей, нежели влюбленной.

— А где она живет?

— Не знаю.

— Ну, полно, пожалуйста, ты не знаешь... Этого быть не может.

— Почему?

— Ведь ты ее провожал?

— Она ушла от меня на Мариинском мосту.

— Ушла от тебя! — вскрикнул Лорен со смехом. — Чтоб женщина так отделалась от тебя?

Когда же голубь сизокрылый

Спастись от ястреба умел?

Когда же кролик тупорылый

Пред диким волком не робел?

— Лорен, — сказал Морис, — приучишься ли ты говорить так, как все? Меня дрожь берет от твоей ужасной поэзии.

— Как! Говорить, как все? Мне кажется, что я говорю лучше всех! Я говорю, как гражданин Дюмурье, — и прозой и стихами. Что касается моей поэзии, любезный, я знаю одну Эмилию, которая находит, что она не совсем дурна. Но вернемся к твоей.

— К моей поэзии?

— Нет, к твоей Эмили.

— Разве у меня есть Эмилия?

— Ну, полно, полно! Видно, твоя серна обратилась в тигрицу и показала тебе зубы, а ты хоть не рад, да влюблен.

— Я влюблен! — сказал Морис, покачав головой.

— Да, ты влюблен.

Безумен тот, кто страсть скрывает!

Кого он этим проведет?

Амур все в сердце попадает,

Юпитер промахи дает.

— Лорен, — сказал Морис и схватил ключ, который лежал на ночном столике, — объявляю тебе, что ты больше ни одного стиха не скажешь, потому что я заглушу его свистом.

— Ну, так давай поговорим о политике. Начну с того, что я затем и пришел. Знаешь ли ты новость?

— Слышал, что вдова Капета хотела улизнуть.

— Это что... пустяки.

— Что же еще?

— Знаменитый кавалер Мезон Руж в Париже.

— В самом деле? — вскричал Морис, вскочив с постели.

— Он, собственной персоной.

— Когда же он заявился?

— Вчера вечером.

— Как?

— Переодетый егерем национальной гвардии. Женщина, в которой подозревают аристократку, переодетую в простонародное платье, вынесла ему мундир за заставу. Какое-то время спустя они возвращались под руку, как ни в чем не бывало.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Завербованные	5
II. Незнакомка	13
III. Улица Фоссе-сен-Виктор	21
IV. Нравы времени	27
V. Кто вы, гражданин Морис Лендэ	36
VI. Тампль	39
VII. Клятва игрока	48
VIII. Женевьева	56
IX. Ужин	65
X. Сапожник Симон	74
XI. Записка	82
XII. Любовь	90
XIII. 31 мая	116
XIV. Преданность	121
XV. Богиня Разума	128
XVI. Блудный сын	133
XVII. Мастера подкопа	139
XVIII. Облака	147
XIX. Просьба	155
XX. Цветочница	162
XXI. Красная гвоздика	167
XXII. Цензор Симон	173
XXIII. Богиня Разума	178
XXIV. Мать и дочь	185
XXV. Записка	191
XXVI. Блек	200
XXVII. Франт	208
XXVIII. Кавалер де Мезон Руж	216
XXIX. Патруль	223

XXX. «Гвоздика и подземелье»	231
XXXI. Розыски	237
XXXII. Клятва	244
XXXIII. На другой день	254
XXXIV. Консьержери	257
XXXV. Зал потерянных шагов	266
XXXVI. Гражданин Теодор	273
XXXVII. Гражданин Гракх	278
XXXVIII. Королевское дитя	283
XXXIX. Букет фиалок	291
XL. Харчевня «Ноев ковчег»	298
XLI. Регистратор Военного министерства	304
XLII. Две записки	309
XLIII. Сборы Диксмера	313
XLIV. Сборы кавалера Мезон Ружа	318
XLV. Розыски	324
XLVI. Суд	331
XLVII. Священник и палач	337
XLVIII. Телега	343
XLIX. Эшафот	349
L. Домашний обыск	354
LI. Лорен	358
LII. Продолжение предыдущего	364
LIII. Дуэль	369
LIV. Зал мертвых	375
LV. Для чего ушел Лорен	383
LVI. Да здравствует Симон!	385
Комментарии	392

Літературно-художнє видання

ДЮМА Александр
Кавалер Червоного замку
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 22.06.2018.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 21.
Наклад 7000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ДЮМА Александр
Кавалер Красного замка

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 22.06.2018.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 21.
Тираж 7000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000.
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

1793 рік. Після страти короля Людовика XVI вся Європа повстала проти Франції. У похмурій катівні ще б'ється серце нещасної королеви Марії-Антуанетти, чия доля, на жаль, майже вирішена. Той, кого називають Кавалером Червоного замку, готовий врятувати її за будь-яку ціну... Тимчасом молодий і палкий революціонер Моріс Ленде закохується у прекрасну Женев'єву. Їхні почуття взаємні і сильні, але молода жінка заміжня за шанованим громадянином. На героїв чекають важкі випробування... У вогні Французької революції комусь судилося знайти і втратити, комусь — зустріти кохання, а комусь — загинути.

Дюма А.

Д96 Кавалер Красного замка / Александр Дюма ; пер. с фр. И. Лаукарт. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 400 с.

ISBN 978-617-12-4986-8

1793 год. После казни короля Людовика XVI вся Европа ополчилась на Францию. В мрачном застенке еще бьется сердце несчастной королевы Марии-Антуанетты, чья участь, увы, почти предрешена. Тот, кого называют кавалером Красного замка, готов спасти ее любой ценой... Тем временем молодой и пылкий революционер Морис Ленде влюбляется в прекрасную Женевьеву. Их чувства взаимны и сильны, но молодая женщина замужем за уважаемым гражданином. Героев ожидают тяжелые испытания... В огне Французской революции кому-то суждено найти и потерять, кому-то обрести любовь, а кому-то — погибнуть.

УДК 821.133.1